

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 51—60.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 51—60.

Научная статья

УДК 1:316.4 + 1(091)

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-51-60

<https://elibrary.ru/ucqnbс>

Модель мифологического героя как инструмент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности

Е. В. Драгун

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

edragun27@gmail.com

Аннотация. Исследуется роль мифологических героев в формировании личностной идентичности и социальных норм через призму социальной инженерии. Мифические образы, заимствованные из индийских и древнегреческих философских и литературных источников, рассматриваются как инструменты передачи культурных и философских идей, которые влияют на индивидуальные и коллективные ценности. Особое внимание уделено анализу социальной инженерии, использующей культурные нарративы для формирования общественного сознания и трансформации личностных характеристик. Рассматривается связь между мифологическими архетипами и социальными структурами, а также роль философских концепций в этом процессе.

Ключевые слова: античная философия, касты, космология, индийская философия, мифологический герой, социальная инженерия

Для цитирования: Драгун Е. В. Модель мифологического героя как инструмент социальной инженерии: формирование гибрида личностной идентичности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 51—60. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-51-60> EDN: UCQNBC.

Original article

Model of the mythological hero as a tool of social engineering: Shaping of a hybrid of personal identity

E. V. Dragun

State University of Education, Moscow, Russia

edragun27@gmail.com

© Драгун Е. В.

Abstract. The author examines the role of mythological heroes in personal identity and social norms shaping through the lens of social engineering. Mythical images, borrowed from Indian and ancient Greek philosophical and literary sources, are viewed as tools for conveying cultural and philosophical ideas that influence individual and collective values. Particular attention is paid to the analysis of social engineering, which uses cultural narratives to shape public consciousness and transform personal characteristics. The author has studied the connection between mythological archetypes and social structures, as well as the role of philosophical concepts in this process.

Keywords: ancient philosophy, castes, cosmology, Indian philosophy, mythological hero, social engineering

For citation: Dragun E. V. "Model of the Mythological Hero as a Tool of Social Engineering: Shaping of a Hybrid of Personal Identity". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 51–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-51-60> EDN: UCQNBC.

В данной статье исследуется роль мифологических героев в формировании личностной идентичности и социальных норм на антропологическом этапе социально-инженерных преобразований общества, охватывающем первобытное общество и древний мир. В древнеиндийской и древнегреческой философских традициях мифологические герои символизировали мудрость, храбрость и справедливость, что делало их важными проводниками социально-инженерных идей, направленных на укрепление общественных норм и идеалов.

Данные образы использовались для объяснения природных явлений, исторических событий и социальных норм. Они служили символами мудрости, силы, храбрости, справедливости и других важных качеств, которые считались идеальными для человека. В контексте социальной инженерии эти образы использовались для передачи культурных и философских идей, которые затем влияли на формирование индивидуальных и коллективных ценностей.

Таким образом, модель мифологического героя является мощным инструментом социальной инженерии, позволяющим формировать и трансформировать общественное сознание и личностные характеристики. Она сочетает в себе культурные и философские идеи, которые целенаправленно воздействуют

на общество и индивидуумов, направляя процессы социального развития и личностного роста.

Рассматривая концепцию модели мифологического героя, нужно отметить, что она нашла наиболее полную реализацию в утопических социально-инженерных проектах, описанных в философских и литературных источниках Древней Индии и Древней Греции. Безусловно, до периода появления в VII — VI вв. до н. э. основных центров философского знания не существовало формализованных школ философии, а были лишь разрозненные философские идеи, основывающиеся на мифологических предпосылках. Важным аспектом этих предпосылок являются теогонические мифы, основанные на рассказах о происхождении богов, а также мифы, связанные с космосом и повседневной жизнью. Такие мифы формировали основу для развития ранних философских концепций.

Мифы, в свою очередь, сформировали социально-инженерные проекты, направленные на комплексное воздействие на индивидуальные и коллективные убеждения и ценности. Эти проекты реализовывались через систематическое применение культурных, религиозных и идеологических программ, включающих в себя не только устное и письменное содержание, но и визуальные

и музыкальные произведения. Они формировали глубокие символические и эмоциональные связи между индивидами и коллективами, что способствовало созданию определенных общностей и элитарных групп. Бенефициаром и заказчиком социально-культурных преобразований выступала знать, что способствовало формированию классового превосходства и укреплению позиций знати в обществе.

Тем самым социальная инженерия в VII — VI вв. до н. э. использовала культуру и идеологию как основные инструменты для формирования и переформирования социальных норм и ценностей, подчеркивая значимость культурного наследия и традиций в процессе социальных изменений, что явной линией представляется в критических работах Карла Поппера. Он определил понимание социальной инженерии не как механистического воздействия на пассивных индивидов, а как динамичного взаимодействия между индивидуальными и коллективными объектами в рамках общественных связей. Согласно Попперу, важно осознавать ограниченность индивидуальной свободы в социальном контексте и необходимость нравственной ответственности каждого человека в выборе и реализации своих действий, но с определенными оговорками [10, с. 218—220]. Поппер критиковал исторический детерминизм и тоталитарные режимы [10, с. 23], утверждая, что историческое развитие не следует неизбежным закономерностям и что общества должны стремиться к открытости и демократии, а не к закрытым, авторитарным системам. Он выступал против утопических социальных инженерий, которые пытаются радикально перестроить общество на основе абстрактных идеалов, аргументируя свои доводы тем, что такие попытки часто приводят к неожиданным и нежелательным последствиям.

Нужно еще раз подчеркнуть, что использование культуры, идеологии и социальных норм для формирования социальных структур древности несколько отличается от

утопических сценариев, критикуемых Поппером. Критика Поппера подчеркивает опасность упрощенного применения теоретических концепций к сложным социальным системам и предостерегает от попыток внедрить ригидные, догматические структуры управления обществом.

Тем самым критику Поппера можно рассматривать в той мере, в какой обсуждаемые процессы социальной инженерии могут вести к установлению ограничивающих свободу индивида систем. Поппер в своих суждениях напоминает о важности баланса между стремлением к социальной стабильности и сохранением открытого, демократического общества, способного адаптироваться к изменениям без потери основополагающих ценностей свободы и индивидуального выбора.

Перейдем от социальной инженерии в понимании Карла Поппера к божественной мифологии как основной идее Платона о справедливости [8, с. 37—40]. В его трудах приобретает отчетливые очертания справедливость по отношению к людям исключительно со стороны богов, наделяющих людей божественным благом. Всё человеческое в философии Платона лежит в истолковании предложенного человеку кем-то свыше, что также не противоречит общей концепции идеализма. И выбрав проект государственного устройства общества, Платон (умышленно или нет) скопировал идею общественного построения каст (варн), сформировавшихся в Древней Индии.

В индийской общественной организации общества брахманы стали посвященными, мудрецами со всеми вытекающими из этого статуса благами — как и философы у Платона. По мнению автора статьи, для европейской цивилизации этот виток преобразований был обусловлен пониманием личного блага, которое более точно определил Аристотель [3], так как для формирования личных представлений у индивида нужно было сформировать общую идею / доктрину

причинности и донести ее через академическую среду. Аристотель был в большей степени системным методологом и предложил идею, которая была воплощена в учебном заведении — академии. Как точно заметил К. Г. Юнг, развитие психики индивида (подобно героическому мифу) начинается с примитивной детской стадии [15]. Аристотель направлял энергию познания молодого человека в правильное русло, формируя у учеников непротиворечивую идею-программу представлений о мире — в отличие от Платона, который постоянно использовал образы и не структурировал систему обучения, передавая знания в устной форме. Как мы знаем из истории многих народов, мифология сохранялась в устной традиции. В дальнейшем, с появлением книгопечатания, сложилась система передачи знаний и тиражирование знания стало более системным. Платон обладал живым сознанием, нацеленным на красивые мыслеобразы, — по-своему прекрасен образ пещеры, где человек видит только тень реальности, — но когда речь идет о знании, для его передачи нужно предложить систему. Аристотель и предложил полную систему знаний.

В фундаментальном труде Аристотеля «Метафизика» [2] изложена доктрина о первопричинах и элементарных началах всего сущего, которая укоренена в структуре архетипа мифологического героя, служащего ключевым элементом культурного кода эпоса и мифа, особенно в индийской и античной литературе. Аристотелевский анализ четырех типов причинности можно коррелировать с характеристиками мифологических героев. Первый тип, материя как «то, из чего», находит отражение в мифологии, где герои часто ассоциируются с элементарными силами природы, такими как воздух, вода, земля, огонь и эфир. Эти стихии не просто формируют физическую основу мифологических персонажей, но и символизируют различные грани их существования. Второй тип, форма, определенная как «то, что», в мифологии

представлена через уникальные характеристики и цели героев, аналогичные аристотелевскому пониманию формы, придающей смысл и направленность материи. Третий тип причинности, действующая причина, или «то, откуда», в мифологическом контексте соотносится с происхождением героев, часто связанным с божественным вмешательством или космическими событиями, что находит параллель в аристотелевском понимании энергетической силы. Наконец, конечная причина, или «то, ради чего», в мифологических рассказах отражена через индивидуальные миссии и цели героев, что согласуется с аристотелевским видением цели как основополагающего принципа для существования и действий. Таким образом, аристотелевский анализ создает цельную картину для понимания мифологических героев, их роли и значения в культурном эпосе, открывая новые горизонты для изучения связи между античной философией и мифологическими нарративами.

В рамках исследования темы осветим роль мифологического героя как ключевого элемента культурного кода эпоса и мифа, присутствующего в индийской и античной литературе. Это особенно актуально в контексте работы Д. В. Бугая [4], который исследует эволюцию понятия справедливости от архаических религиозных концепций до философских теорий. Д. В. Бугай обращает внимание на то, как менялся фокус исследования справедливости в античной философии, начиная с ранних памятников греческой мысли и заканчивая более поздними работами. Особое значение вначале имело определение понятий, связанных со справедливостью, тогда как позже внимание смещается на разработку концепций справедливости, формируемых на фоне изменяющейся социальной действительности. Особенно интересно, как Бугай анализирует греческую элегию VI — V вв. до н. э., в частности творчество Солона и Феогнида, где тема справедливости обогащается новыми аспектами, включая моральную

оценку обогащения и начала теодицеи. Это показывает, как ранние мифологические и религиозные концепции справедливости постепенно уступают место более рационализированным и философским подходам.

Преобразования в понятии справедливости, отслеживаемые от мифологических нарративов до философских доктрин, подчеркивают фундаментальное значение мифологических образов в культурной структуре общества и его концепции справедливости. Мифологические герои, с их глубоким символизмом, заложили основы для понимания справедливости как ключевого элемента социального устройства и моральных ориентиров. Этот аспект имеет особое значение в анализе социальной инженерии и формировании личностных идентичностей в разнообразных культурных традициях.

Идея Платона о справедливости, представляющей собой выгоду для сильнейшего, обуславливает важность героической идентичности в определении социальных структур и норм. Данная концепция героя-правителя, пользующегося абсолютным обожанием, резонирует с образами героев древнеиндийских и греческих мифов, подчеркивая транскультурную универсальность идеи героизма как социального агента справедливости [9, с. 174—193]. Тем самым переосмысление справедливости через призму мифологических и философских концепций выявляет сложную взаимосвязь между культурным наследием и социальными идеалами, подчеркивая роль культурного кода и символизма мифологических героев в формировании общественного сознания и социальных структур. Эта связь между мифом и философией в контексте справедливости иллюстрирует важность глубокого понимания культурных и идеологических основ социальной инженерии для становления новых форм личностной идентичности в многообразии культурных практик.

В рамках социально-философского анализа, представленного в научной работе

Н. В. Фоминой «Аристократия и аристократическая форма правления» [12], представлено интересное наблюдение, основанное на парадигме «мифологического героя». Автор сочла целесообразным осветить использование символики и архетипов мифологических героев в контексте укрепления аристократической власти и формирования социальных иерархий. Н. В. Фомина подчеркивает, что архетипические образы мифологических героев, обладающих такими качествами, как благородство, храбрость и мудрость, являются ключевыми в античной литературе и играют значительную роль в символизации идеалов, пропагандируемых аристократическим классом. Эти образы не только отражают превосходство аристократии, но и служат важным инструментом в укреплении ее политического и социального статуса. Кроме того, как отмечает Н. В. Фомина, аристократические лидеры активно использовали мифологическую риторику для обоснования своих политических решений, создавая связь между современными действиями и возвышенными идеалами, представленными в мифах. Образовательная система, которая в наибольшей степени была доступна аристократии, включала изучение классической литературы и мифологии, что способствовало не только культурному, но и интеллектуальному господству этого класса в обществе. Таким образом, рассмотрев исследованные Н. В. Фоминой механизмы, через которые мифологические архетипы и символы способствовали укреплению аристократической власти и формированию социальных иерархий, можно получить глубокое понимание взаимосвязи между культурными нарративами и социально-политическими структурами в античном обществе.

В рамках философского анализа, представленного А. Г. Ивановым в работе [6], особое внимание уделяется изучению мифологических героев в контексте социальной мифологии. Эти фигуры, воплощающие культурные и моральные идеалы, играют значительную роль в формировании

социальных установок и поведенческих норм в обществе. Анализ действий и символического значения мифологических героев позволяет проследить их вклад в создание общественных нарративов, которые глубоко повлияли на социальное сознание, мировоззрение и поведенческие паттерны. Анализируя культурные аспекты, А. Г. Иванов предположительно раскрывает, как мифологические герои служат носителями и передатчиками культурных ценностей и норм, подчеркивая их роль в формировании общественных представлений и культурной интеграции. Важным элементом здесь является изучение гендерной идентичности через призму мифологических архетипов, которые могут иллюстрировать и даже укреплять гендерно-специфические роли и представления в обществе. Так, диссертация Иванова представляет собой комплексное исследование, в котором архетипические образы мифологических героев рассматриваются как ключевые элементы в процессе социального отражения и формирования идентичности, охватывая аспекты национальной принадлежности, культурных традиций и гендерных норм.

Углубленный взгляд на понимание и интерпретацию мифологических образов, которые играют ключевую роль в формировании культурного кода и философских идей в индийской традиции, акцентирует внимание на том, как мифологические герои индийской культуры отражают формирование философских концепций и влияют на культурное самосознание [11].

При сравнении образов героев индийской мифологии и античных мифических персонажей выявляются как уникальные характеристики, так и общие черты в понимании героизма, морали и космических законов в различных культурах. Такой подход обогащает понимание влияния мифологических образов на культурные и философские аспекты индийской цивилизации и предоставляет фундамент для сравнительного анализа с другими мифологическими традициями.

Если обратиться к исследованию пифагорейских учений и их взаимодействия с мифологическими концепциями, этот подход предоставляет уникальную возможность исследовать, как античные философские традиции трансформировали и адаптировали мифологические образы, включая героев и божеств [7]. Находя параллели и взаимное влияние между философией пифагореизма и индийскими мифологическими традициями, Н. Д. Лечич четко прослеживает, как мифологические персонажи были включены в философские системы мысли, способствовали развитию концепций добра и зла, логики и космического порядка в рамках пифагорейской школы.

В этом контексте софисты, выступавшие ключевыми фигурами в образовательной и интеллектуальной сфере Древней Греции между серединой V и началом IV вв. до н. э., заметно повлияли на формирование образовательных и мыслительных традиций [8]. Их роль в обучении молодежи, охватывавшем как риторику, так и разнообразные гуманитарные и точные науки, подчеркивает важность их вклада в подготовку к политической и общественной деятельности. Софистическое движение, отличавшееся педагогическим и просветительским характером, стало значимым этапом в развитии культуры Древней Греции. Эта педагогическая деятельность, обусловленная расширением образовательного идеала среди элиты общества того времени, находит параллели с ролями мифологических героев в эпических традициях индийской и античной литературы. Софисты, обещавшие обучение искусству убедительной речи, а также добродетели и широкому кругу знаний, могут быть сравнимы с мифологическими героями, которые символизировали мудрость, знания и этические ценности своего времени. Тем самым влияние софистов на образовательные и культурные процессы в Древней Греции можно рассматривать как современный аналог влияния мифологических героев на формирование философских и моральных идей.

Изучение процессов становления философии, начиная с ее многоцентрового зарождения (в Древней Индии, древнем Китае и Древней Греции) и продолжая анализом аристотелевской доктрины о первопричинах, позволяет глубже понять социальную инженерию в контексте становления новой личности. Философия, возникшая из мифологических представлений и ранних научных познаний, предлагает уникальные инструменты для формирования личностной идентичности в рамках социальной инженерии.

Мифологические герои, служащие ключевыми элементами в культурном коде эпоса и мифа, отражают социальные идеалы, нормы и ценности, которые существенно влияют на формирование индивидуальной и коллективной идентичности. В контексте социальной инженерии это позволяет использовать мифологические нарративы как средство формирования и трансформации общественного сознания и личностных характеристик. Социальная инженерия в этом смысле применяет культурные и философские идеи для целенаправленного воздействия на общество и индивидуумов, определяющего ход процессов социального развития и личностного роста.

Аристотелевская концепция четырех причинностей [2] — материи, формы, действующей и конечной причины — обеспечивает глубокий аналитический инструментарий для исследования мифологических героев, особенно в контексте социальной инженерии. Эти причины позволяют раскрыть многогранность и многослойность мифологических персонажей, которые не просто символизируют ключевые аспекты человеческого существования, но и функционируют как средства передачи социальных норм и ценностей, способствуя формированию новых типов личностей и общественных структур.

С другой стороны, история социальной инженерии в обществе, начиная от древнеиндийской философии и до Нового времени,

демонстрирует, что эффективное влияние на большие массы людей всегда было сложной задачей. Исследователи отмечают несостоятельность утопических проектов прошлого, подчеркивая трудности в реализации глобальных социальных изменений. В индийской философии, особенно в Упанишадах, обсуждаются концепции первооснов бытия, включая высшее знание (духовный абсолют) и низшее знание (эмпирическая действительность). Эти идеи подчеркивают важность понимания как духовных, так и материальных аспектов жизни, что немало важно в социальной инженерии. Теория каст, также представленная в Упанишадах, иллюстрирует попытку систематизировать и упорядочить общество, что является еще одним примером социальной инженерии в действии.

В индийской философии, как указывается в «Мундака Упанишад» (I. 1.4-5), утверждается [1, с. 88], что существуют два вида знания: высшее и низшее. Низшее знание включает в себя ведические писания, грамматику, астрономию и другие науки, в то время как высшее знание посвящено пониманию непреходящего, вечного. Это разделение знаний отражает глубокое понимание духовных и материальных аспектов жизни, которое является фундаментальным для социальной инженерии.

Первоначально в древнеиндийском обществе существовала система варн, замкнутых социальных образований, которые объединяли людей определенных профессий и исключали возможность перехода из одного слоя общества в другой. Эта система позднее трансформировалась в более сложную систему каст. Такая социальная структура не только определяла социальный порядок, но и влияла на восприятие индивидуумом своего места в мире и возможности социального взаимодействия.

Эти исторические и философские контексты подсказывают, как древние учения и мифологические сюжеты могут быть

использованы в современных условиях для создания более справедливых и гармоничных общественных систем. Это особенно важно в эпоху цифровизации и глобализации, когда традиционные социальные установки подвергаются переосмыслению и требуют адаптации к новым реалиям.

Так, в Упанишадах определены основные понятия социологии и социальной философии того времени: в точности описано устройство мира и его деление на касты (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры) как важный элемент гармонии в мире людей [1, с. 8—21]. Кроме того, приводятся основные понятия блага, справедливости и богатства, являющиеся ключевыми в учениях древних философов. Основным же источником философской мысли служит эпическая поэма «Махабхарата», состоящая из 18 книг. Помимо увлекательного сюжета кровной вражды между двумя связанными по крови родами Пандавов и Кауравов, поэма содержит и глубокие философские идеи.

Самая известная книга «Махабхараты» — «Бхагават-гита» (в переводе — «Божественная песнь») из VI книги «Бхишмапарвы», которая представляет собой диалог между предводителем войск Пандавов Арджуной и богом Кришну (духовным абсолют — Брахманом). Во-первых, два персонажа ведут диалог, как Сократ и его собеседники в основных литературных и философских произведениях Платона. На наш взгляд, основная суть данного произведения именно в передаче «посвященным», богом Кришну, основных социальных законов общества незрелому Пандаву. В дальнейшем в индийской философии эти идеи были развиты в философских монистических учениях санкхьи и веданты [1, с. 94—95]. Так, С. Чаттерджи и Д. Датта в фундаментальном труде, посвященном индийской философии, отметили: «Школы Шанкары и Рамануджи придерживаются упанишад, согласно которым “все есть Брахман” (*сарвам кхалу идам Брахма*), а материя и ум не являются незави-

симыми реальностями, но коренятся в том же Брахмане» [13, с. 301]. Но если не рассматривать высокодуховное учение об Атмане-Абсолюте, основные литературные произведения содержат вполне понятную социальную картину индийского общества. По значимости вклада в культуру древнего мира, безусловно, Упанишады и «Махабхарата» стоят в одном ряду с эпосом о Гильгамеше [14] и «Одиссеей» Гомера [5].

В контексте социальной инженерии «Бхагават-гита» может рассматриваться как первоисточник древних принципов управления и саморазвития, которые актуальны и в современном мире. В диалоге между Арджуной и Кришной обсуждаются вопросы долга (дхармы), правильного действия (карма) и пути к самореализации, что может быть интерпретировано как руководство к созданию сбалансированной и гармоничной социальной структуры. Кришна, выступая в роли идеального советника, предлагает модель поведения, согласно которой каждый индивидум играет свою роль в обществе, следуя своему долгу, что способствует общему порядку и стабильности.

Развитие идей философии веданта о неделимости Брахмана отражает монистическое видение мира, где индивидуальные различия сливаются в единое абсолютное существование, аналогично современным интегрированным и взаимозависимым социальным структурам, формируемым информационными технологиями и цифровой связью. Принципы, изложенные в «Бхагават-гите», могут применяться в современной социальной инженерии для управления обществом и формирования этических и моральных норм, поддерживающих социальную гармонию и порядок как функцию и ответственность каждого. Наряду с этим исследование концепций мифического героя и его антагонистов от древности до античности выявляет эволюцию стремления к идеалу утраченного «Золотого века», который символизирует в мифологиях разных

культур апофеоз гармонии и совершенства. Исторический анализ развития образов мифологических героев и их антагонистов, начиная с древнего мира и заканчивая современностью, отражает широкий спектр культурных и социальных трансформаций, включая влияние западной культуры и критику современного массового потребления. В рамках социальной инженерии изучение эволюции понятия справедливости предоставляет инструменты для понимания изменений в общественных ценностях и нормах и управления ими. Мифологические и религиозные концепции справедливости, эволюционирующие в более рационализированные и философские подходы, подчеркивают динамичность социальных процессов и потенциал для формирования новых социальных идентичностей. Это знание предоставляет ценные инструменты для целенаправленного формирования новой личности в различных культурных и исторических контекстах. В данном аспекте индийская философия и литература предлагают уникальный взгляд на социальную инженерию, особенно через теорию эволюции мира санкхьи, известную как паринамавада, которая описывает эволюцию через модификации пракрити.

Древние тексты, такие как «Махабхарата» и «Упанишады», обладают непреходящим культурным и социальным значением, поскольку они предлагают универсальные принципы для создания справедливых и функциональных социальных систем. Эти принципы могут быть эффективно использованы при разработке современных моделей социальной интеграции и развития. Особенно актуально это становится в контексте наращивания темпов развития индийского общества, которому необходимы переосмысление и адаптация традиционных форм социального устройства к новым условиям. Так, принципы, заложенные в древнеиндийских философских и мифологических текстах, могут служить фундаментом для создания гибких и адаптивных социальных

систем, способных отвечать на вызовы современности. Важность таких текстов заключается в их способности предложить проверенные временем концепции, которые могут быть интегрированы в современные стратегии социальной инженерии для построения более гармоничных, справедливых и устойчивых общественных структур.

Список литературы и источников

1. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1: Философия древности и средневековья / ред.-сост. и авт. вступ. ст. В. В. Соколов. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. 575 с.
2. **Аристотель**. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 442 с. (Антология мысли).
3. **Аристотель**. Этика / [пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер; вступ. ст. Ф. Х. Кессиди]. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.
4. **Бугай Д. В.** Платоновская концепция справедливости и ее исторические предпосылки: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2019. 637 с. EDN: BTFEFW.
5. **Гомер**. Одиссея / [пер. с древнегреч. В. Жуковского]. М.: АСТ, 2010. 314 с. (Книга на все времена).
6. **Иванов А. Г.** Социальная мифология как феномен общественной жизни: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. 188 с. EDN: YTPWMS.
7. **Лечич Н. Д.** Общий источник генезиса логики и теории зла в идеях ранней пифагорейской школы: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2016. 271 с.
8. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 775 с.
9. **Платон**. Государство / [вступ. ст.: К. А. Сергеев, Л. С. Камнева; пер. А. Н. Егунова]. СПб.: Наука, 2005. 570 с. (Слово о сущем; т. 53).
10. **Поннер К.** Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 446 с.

11. Псху Р. В. Ситуативная герменевтика как историко-философский метод исследования восточных философских текстов: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2017. 289 с.
12. Фомина Н. В. Аристократия и аристократическая форма правления: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2005. 157 с.
13. Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия: пер. с англ. М.: Селена, 1994. 416 с.
14. Эпос о Гильгамеше: («О все выдавшем») / отв. ред.: В. В. Струве; пер. с аккад. И. М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 212 с. (Литературные памятники).
15. Jung C. G. The Structure and Dynamics of the Psyche / ed. and transl. G. Adler, R. F. C. Hull. Reprint of 1975 ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 2014. 608 p. (Collected Works of C. G. Jung; 8).
8. Losev A. F. *Aristotle and the Late Classics*. Moscow: Iskusstvo, 1975. 775 p. (In Russian). Vol. 4 of *Istoriya antichnoy estetiki*.
9. Plato. *The Republic*. Transl. by D. Lee. Introd. by M. Lane. London: Penguin Books, 2007. 416 p. (Penguin Classics).
10. Popper Karl R. *The Spell of Plato*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 368 p. Vol. 1 of *The Open Society and its Enemies*. 2 vols.
11. Pskhu R. V. *Situational Hermeneutics as Historical and Philosophical Method of Studying Eastern Philosophical Texts*: Diss. for the Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 2017. 289 p. (In Russian).
12. Fomina N. V. *Upper Class and Aristocracy: Socio-Philosophical Analysis*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Krasnoyarsk, 2005. 157 p. (In Russian).
13. Chatterjee Satischandra, Datta Dhirendramohan. *An Introduction to Indian Philosophy*. 5th ed. Calcutta: Univ. of Calcutta, 1954. 443 p.
14. *Epic of Gilgamesh*. Transl. by N. K. Sandars. London: Penguin Books, 1960. 128 p. Penguin Classics.
15. Jung Carl G. *The Structure and Dynamics of the Psyche*. Ed. and transl. G. Adler, R. F. C. Hull. Reprint of 1975 ed. Princeton: Princeton Univ. Press, 2014. 608 p. Collected works of C. G. Jung 8.

References

1. *Philosophy of Ancient Times and Middle Age*. Ed., comp. and introd. by V. V. Sokolov. Pt. 1. Moscow: Mysl', 1969. 575 p. (In Russian). Vol. 1 of *Antologiya mirovoy filosofii*. 4 vols.
2. Aristotle. *Metaphysics*. Transl. with an introd. by H. Lawson-Tancred. London: Penguin Books, 1999. 528 p. Penguin Classics.
3. Aristotle. *The Ethics of Aristotle*. London: Wentworth Press, 2019. 316 p.
4. Bugay D. V. *Plato's Conceptual Idea of Justice and its Historical Preconditions*: Diss. for the Dr. Sci. (Philos.). Moscow, 2019. 637 p. (In Russian). EDN: BTFEW.
5. Homer. *The Odyssey*. Transl. by E. Vieu. Introd. by B. Knox. London: Penguin Books, 1999. 541 p. Penguin Classics.
6. Ivanov A. G. *Social Mythology as Phenomenon of Social Life*: monograph. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2015. 188 p. (In Russian). EDN: YTPWMS.
7. Lechich N. D. *Common Source of Genesis of Logic and Theory of Evil in the Ideas of Early Pythagorean School*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2016. 271 p. (In Russian).

Информация об авторе

Драгун Евгений Витальевич — аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2).

Information about the author

Evgeny V. Dragun — Postgraduate Student at the Department of Philosophy, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A, bldg. 2).

Статья поступила в редакцию 12.09.2024.

The article was submitted 12.09.2024.